

Лу Цзыяо терпеливо выслушал остальных и лишь затем почтенно напомнил:

— Господа, эта болезнь отличается от обычной хвори. Члены одной семьи заражаются один за другим, а это признак начавшейся чумы. Я считаю, что лучше всего собрать всех заболевших и отправить в отдаленный пригород на карантинное лечение, дабы зараза не перекинулась на других невиновных людей.

Лекари переглянулись, явно недовольные вмешательством странного дилетанта.

Старший императорский лекарь произнес:

— Даже если это чума, без прямого контакта заражения не произойдет. Если господин Лу беспокоится, то впредь может не сопровождать нас во время осмотров. Лечить больных — наш долг, и немыслимо схватить людей и вышвырнуть их в дикое поле.

Сердце Лу Цзыяо сжалось: дело дрянь.

Если это чума, то выработать вакцину при нынешнем уровне развития медицины невозможно.

К счастью, дома жителей уезда располагались не слишком тесно, иначе чуму уже было бы не остановить.

Что касается подобной чумы, единственный рецепт снадобья, зафиксированный в исторических трудах, принадлежал У Сюаньчуну и упоминался в его «Способах лечения чумы». Однако пользы от того рецепта было мало, а вот описанные в книге меры предосторожности и защиты казались вполне действенными.

Учитывая доступные технологии, изоляция больных оставалась самым эффективным средством.

Императорские лекари согласовали рецепт, напрочь проигнорировав предложение Лу Цзыяо о карантине.

Эта проблема оказалась гораздо серьезнее строительства Шуского тракта и заготовки провианта.

Хотя пока нельзя было с уверенностью утверждать, что это именно бубонная чума, болезнь явно отличалась стремительным распространением и почти стопроцентной смертностью.

Если лекари и местные жители откажутся соблюдать изоляцию, Лу Цзыяо окажется бессилён.

Чума — поистине кошмар, способный выкосить целые города. Инкубационный период крайне мал: с момента заражения до скоропостижной смерти проходит всего от трех до семи дней.

В исторических хрониках упоминалось, что лишь одна только чума четырнадцатого века унесла жизни более половины населения Англии и свыше семидесяти процентов жителей Франции.

В тысяча девятьсот десятом году она добралась и до Китая.

Даже в начале двадцатого века в медицинских кругах преобладало мнение, будто чума передается человеку от крыс, а не от человека к человеку.

В древнем Китае о чумной палочке не имели ни малейшего представления. У Сюаньчун,

составивший «Способы лечения чумы», полагал, что источник болезни кроется в дурных испарениях земли.

То, что в современном мире считается элементарной базой, в древности постигалось на ощупь; люди вообще не имели понятия о дезинфекции и защите.

В сложившейся ситуации у Лу Цзыяо оставался лишь один выход — отправить через местную почтовую станцию срочное послание со скоростью шестьсот ли в день наследным принцу с просьбой незамедлительно назначить его ответственным за борьбу с чумой и предоставить ему право временного командования войсками трех уездов.

Придется действовать силой.

На самом деле наследный принц не обладал столь широкими полномочиями, иначе Лу Цзыяо попросил бы об этом еще до отъезда.

Чтобы получить такие права, наследный принц должен был подать прошение Императору. Но наследный принц планировал скрыть вспышку и быстро подавить ее своими силами, дабы избежать сплетен о карах небесных и людских ошибках.

Однако утаить происходящее уже было невозможно: если это действительно чума, то в этих трех уездах вымрет как минимум половина жителей.

Эпидемия не перекинулась дальше лишь потому, что эти три уезда были плохо связаны с внешним миром, да и развивалась чума слишком стремительно — несчастные беженцы, подхватившие болезнь, погибали до того, как успевали добраться до соседних земель.

Едва совещание врачей закончилось, Лу Цзыяо составил спешное послание и передал его Чжан Сы для отправки на почтовую станцию. Засим он вернулся в свои покои, забрал заготовленные заранее маски и раздал их врачам.

Он строго и настоятельно просил врачей обязательно надевать маски при осмотре больных, а после работы сразу же мыть руки с мылом.

В последующие дни Лу Цзыяо не ходил на осмотры вместе с другими врачами.

Теперь оставалось только ждать ответа от наследного принца. Получив право распоряжаться войсками, Лу Цзыяо тут же введет принудительный карантин.

Если же наследный принц решит утаить происходящее и не сможет прислать войска, Лу Цзыяо соберется в столицу.

Оставаться здесь означало верную смерть, а дома его ждал упитанный малыш, которого нужно кормить.

Однако спустя шесть дней, так и не дождавшись ответа от наследного принца, Лу Цзыяо получил ужасное известие:

жители уезда Пинжун вознамерились собраться вместе и устроить обряд изгнания духа чумы.

От местных стражников Лу Цзыяо узнал, что для этого ритуала всех больных усаживают прямо в центре алтаря.

Более того, во время обряда принято передавать по кругу и пить воду с пеплом от благовоний

— безумие чистой воды, верный шаг навстречу гибели.

Чувства безысходности и бессилия Лу Цзыяо не испытывал уже целых десять лет.

Если такой «масштабный ритуал заражения» действительно состоится, уезд Пинжун обречен.

Лу Цзыяо немедленно отправился к уездному начальнику Пинжуна, предъявил ему письмо с печатью наследного принца и потребовал оказать содействие и запретить народный сход.

Однако начальник уезда оказался в затруднительном положении.

Обряд изгнания духа чумы не нарушал законов государства, и ни по закону, ни по совести у властей не было никаких оснований запрещать его.

Уезд Пинжун и без того пострадал от стихийного бедствия, а тут еще и чума. Простые люди доведены до отчаяния, и если запретить им молить богов о спасении, дело вполне может закончиться бунтом.

Увидев, что начальник уезда виляет и уходит от ответа, Лу Цзыяо понял: тот пытается вежливо умыть руки.

— Ваше превосходительство, его высочество наследный принц специально направил меня в уезд Пинжун для борьбы с чумой. Через несколько дней мне доставят верительные грамоты на право командования войсками, и тогда ваша помощь уже не потребуется. Но сейчас, пока верительные грамоты в пути, а ситуация крайне опасна, я убедительно прошу вас оказать содействие.

Начальник уезда угодливо улыбнулся, но уступать не торопился:

— Раз уж его высочество наследный принц отправил вас избавить уезд от мора, почему же вы запрещаете народу прогнать духа чумы?

Лу Цзыяо лишь лишился слов.

Объяснять ему в такой момент суть инфекции — все равно что читать высшую математику, тут даже самый красноречивый оратор потерпел бы крах.

Оставался лишь один вариант...

— Знаешь, кто мой дедушка по матери? — Лу Цзыяо мрачно насупился и с грозным видом уставился на чиновника.

Пришла пора похвастаться дедом!

Козырять влиятельной родней — что в древности, что в современности — прием одинаково безотказный.

Начальник уезда обомлел и нервно произнес:

— Ваш покорный слуга непросвещен...

— Чжоу Чун, — без экивоков бросил Лу Цзыяо.

— Чжоу... господин Чжоу? — переспросил чиновник, не веря своим ушам. — Неужели тот

самый...

— Именно, — Лу Цзыяо сдержанно усмехнулся. — Второй советник Кабинета министров и министр чинов, Чжоу Чун.

*

Начальник уезда взял стражников и вместе с Лу Цзыяо отправился к месту ритуала, чтобы помешать возведению алтаря.

Как и следовало ожидать, они столкнулись с яростным сопротивлением горожан.

Старики, надеявшиеся спасти своих детей, со слезами падали на колени перед чиновником, моля оставить простым людям хоть надежду на спасение.

Начальник уезда с растерянным видом поднимал стариков и сваливал все на «приказ свыше».

Он утверждал, будто «свыше» запретили устраивать ритуалы, поскольку в столице уже призывали небесного наставника для совершения обряда, и дух чумы вскоре уберется восвояси.

Лу Цзыяо понимал, что «дух чумы» никуда не уйдет, а потому обратился к толпе:

— Ваш ритуал не то что не прогонит духа чумы, но и навлечет его на каждого, кто примет участие в обряде!

Разумеется, безумным речам юноши в пышном дворянском наряде никто не поверил.

Впрочем, идти против властей простые люди не решились: увидев, что чиновник действует и кнутом, и пряником, они смиренно разобрали алтарь.

Однако, по всей видимости, среди строителей алтаря находились зараженные в инкубационном периоде, и в тот же вечер еще в семи домах проявились симптомы чумы.

Кто-то пустил слух, будто отмена обряда и снос алтаря прогневали духа чумы, и теперь тот решает забрать еще больше жизней в наказание.

Поддавшись панике, люди снова принялись спешно готовиться к ритуалу.

Лу Цзыяо поспешил в уездное управление, требуя от начальника уезда вновь вмешаться.

На этот раз горожан провести уже не удалось. Стражникам пришлось применить силу, чтобы разогнать толпу, и отправить за решетку нескольких зачинщиков, прежде чем волнения затихли.

Каждый день перед выездом на осмотр за императорскими лекарями присматривали евнухи, приставленные Лу Цзыяо, проверяя, надевают ли те маски и моют ли руки.

Забота об их собственных жизнях воспринималась большинством лекарей с затаенной обидой: им казалось, будто этот странный юнец, прикрываясь именем наследного принца, намеренно издевается над ними и унижает их достоинство.

Прибыв в уезд Пинжун, Лу Цзыяо ни разу не осматривал больных и не обсуждал рецепты лекарств. Единственное, чем он занимался, помимо принудительного заставления врачей закрывать лица и мыть руки, — это пресекал попытки местных жителей собраться на ритуал.

Неудивительно, что тайное мнение императорских лекарей об этом юноше испортилось до предела.

Лу Цзыяо не мог ничего им объяснить, а потому сохранял спокойствие: едал, спал да ждал дома верительных грамот.

И вот в одну из ночей, когда Лу Цзыяо крепко спал, он сквозь сон почувствовал, как к самой шее подбирается ледяной сквозняк.

Спросонья он потянул одеяло повыше и тыльной стороной ладони случайно задел что-то холодное.

Лу Цзыяо весь сжался и медленно приоткрыл глаза.

Стояла глубокая ночь. Окна были закрыты, лунный свет сюда не проникал, но в непроглядной тьме он различил пару глаз, поблескивающих холодным отсветом и полных убийственной ярости.

Кровь разом ударила Лу Цзыяо в голову, кожа на затылке онемела от ужаса.

— Ни звука, — раздался незнакомый мужской голос с местным говором.

<http://bllate.org/book/18379/1767051>